

На правах рукописи

Пантюхина Татьяна Владимировна

**ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Ижевск 2025

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: **Кондратьева Наталья Владимировна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Некрасова Галина Александровна,**
доктор филологических наук, доцент,
Институт языка, литературы и истории, ФГБУН ФИЦ «Коми
научный центр Уральского отделения Российской академии
наук», главный научный сотрудник (г. Сыктывкар)

Агафонова Нина Афанасьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва», кафедра
мордовских языков и литературы, доцент (г. Саранск)

Ведущая организация: Государственное бюджетное научное учреждение при
Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-
исследовательский институт языка, литературы и истории им.
В. М. Васильева» (МарНИИЯЛИ) (г. Йошкар-Ола)

Защита состоится 04 марта 2026 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета
24.2.420.01, созданного на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», по адресу:
426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд 003.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научной библиотеке им. В. А. Журавлева
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б).

Автореферат размещен на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ <https://vak.gisnauka.ru/> и на
сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» <https://dissovet.udsu.ru/board/24-2-420-01>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л. А. Юшкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу семантических и грамматических особенностей собственно-личных местоимений удмуртского языка. Рассмотрены категории лица, числа, падежа; определен состав личных местоимений вторичного происхождения в удмуртском языке; решены вопросы генезиса вариантов сегментных морфем. На материале современных диалектов и письменных памятников предложена реконструкция некоторых падежных форм удмуртских собственно-личных местоимений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного изучения собственно-личных местоимений удмуртского языка с точки зрения семантико-грамматических характеристик, их функциональных особенностей и диалектного разнообразия. Синхронический анализ личных местоимений способствует углубленному пониманию современных особенностей коммуникации носителей удмуртского языка, выявляя взаимосвязи между грамматическим строем и прагматическими характеристиками языка. Изучение системы личных местоимений позволяет выявить процессы развития и пути формирования грамматической структуры языка. Система собственно-личных местоимений удмуртского языка генетически связана с общим финно-угорским (уральским) языком-основой. Тем не менее процесс формирования числовой оппозиции, большей части падежной парадигмы и её смыслового содержания проходил в общепермский период. Образование диалектных вариантов падежных показателей, расширение падежных значений возникло в период самостоятельного развития северного и южного диалектов удмуртского языка. В этой связи весьма актуальным становится и комплексное описание современных падежных форм с привлечением примеров из памятников письменности XVIII–XIX вв., поскольку их сравнение позволяет установить архаичные и инновационные особенности, а также проследить пути развития местоименных парадигм склонения.

Степень изученности темы. Грамматическая категория падежа личных местоимений частично рассматривалась, начиная с первой грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»; отдельные вопросы словоизменения рассмотрены в «Грамматике современного удмуртского языка» [1962], в учебном пособии для студентов «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» [2011]. Вариативность словоизменительной парадигмы в диалектах описана в ряде специальных трудов (Т. Г. Aminoff, Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, Л. Л. Карпова). Семантика падежных форм личных местоимений в целом соответствует семантике падежных форм имен существительных, данная тема нашла

отражение в исследованиях удмуртского языковеда Н. В. Кондратьевой¹. Изучению генезиса падежных маркеров посвящены труды отечественных и зарубежных исследователей (Y. Wichmann, T. E. Uotila, R. Bartens, S. Csúcs, Б. А. Серебренников, Г. В. Федюнева, Н. В. Кондратьева). Обобщающая работа по происхождению и развитию личных местоимений в пермских языках сделана коми лингвистом Г. В. Федюновой², но удмуртские диалектные местоименные формы рассмотрены не в полном объеме, такую задачу исследователь перед собой и не ставила. Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, степень изученности отдельных языковых явлений остается недостаточной. Описание грамматических категорий лица и числа собственно-личных местоимений в научных трудах ограничивается несколькими предложениями. В научных трудах не отражена семантика собственно-личных местоимений. Нет специальной обобщающей работы по морфологии удмуртских собственно-личных местоимений, которая включала бы все диалектные варианты основ и формальных показателей.

Объектом исследования выступили местоимения удмуртского языка. **Предметом** описания и анализа являются лексико-грамматические характеристики и функциональные особенности собственно-личных местоимений (1sg., 2sg., 1pl. 2pl., инклюзивного 1-го лица, 3-го лица единственного и множественного числа) удмуртского языка.

Целью диссертационного исследования является системное представление морфонологических, морфологических, синтаксических и семантических характеристик личных местоимений удмуртского языка.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть основные этапы развития грамматической теории местоимений в удмуртской лингвистике;
- 2) определить разряды вторичных личных местоимений удмуртского языка;
- 3) описать семантическую структуру собственно-личных местоимений в свете теории референции;
- 4) проанализировать грамматические категории лица, числа и падежа собственно-личных местоимений;
- 5) упорядочить состав морфем личных местоимений и выявить морфонологические варианты падежных маркеров собственно-личных местоимений в диалектах удмуртского языка;
- б) сопоставить и систематизировать гипотезы о возникновении и развитии падежных суффиксов и становлении системы склонения собственно-личных местоимений в целом;

---

¹ Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: монография. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011а. – 256 с.

² Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008а. – 427 с.

7) проанализировать семантику падежных форм собственно-личных местоимений.

Научная новизна работы заключается в том, что в удмуртском языкознании проведено специальное исследование, посвященное изучению синхронии и диахронии удмуртских местоимений, выявлению их междиалектных особенностей функционирования. В диссертационной работе впервые: 1) дана периодизация изучения класса местоимений удмуртского языка; 2) предложена новая классификация местоимений удмуртского языка; 3) проведено четкое разделение между личными местоимениями и притяжательными формами других разрядов местоимений; 4) выделены вторичные по происхождению личные местоимения; 5) определен статус ранее не изученных трех взаимных местоимений – *одйг-оглы (ог-оглы), одйг-огед (ог-огед), одйг-огез (ог-огез)* ‘друг друга’; 6) предложено решение вопроса о частеречной принадлежности так называемых послеложно-личных местоимений; 7) выявлены грамматические характеристики инклюзивного местоимения 1-го лица, также являющегося усилительно-личным местоимением; 8) представлены транспозиции собственно-личных местоимений; 9) описана семантика падежных форм собственно-личных местоимений; 10) рассмотрено максимальное количество морфонологических вариантов падежных форм; 11) выявлены архаичные падежные формы местоимений 1 pl., 2 pl. в памятниках письменности конца XVIII – начала XIX в.; 12) выдвинута гипотеза об относительно длительном самостоятельном развитии говоров северного и южного диалектов на основе свидетельства языкового материала.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что изучение местоимений как универсального средства выражения и осуществления референции тесно связано с важными проблемами общелингвистического характера. Теоретическое значение имеют предложенные в работе критерии дифференциации личных местоимений вторичного происхождения от неличных местоимений и дериватов другого порядка – словоформ и слов других частей речи. Дается комплексное описание грамматических категорий личных местоимений удмуртского литературного языка и диалектов с точки зрения синхронии и диахронии. Предложенная классификация местоимений может служить для дальнейших теоретических исследований финно-угорских языков, поскольку во многих из них представлено несколько разрядов местоимений, обладающих грамматической категорией лица. В работе проводится анализ семантики личных местоимений с точки зрения референции, выявляется их способность к транспозиции. Исследование категории падежа личных местоимений включает в себя инвентаризацию корневых и формообразовательных морфем, выявление генезиса местоименных основ и падежных суффиксов, описание семантической структуры каждой единицы словоизменительной парадигмы. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что проведенное диссертационное исследование вносит

свой вклад в решение актуальных вопросов описательной грамматики и сравнительно-сопоставительного изучения удмуртских диалектов.

Полученные результаты найдут применение в вузовской практике преподавания морфологии, исторической грамматики, диалектологии. Материалы могут быть использованы при составлении учебных пособий, академической грамматики удмуртского языка, внести вклад в типологическое и сравнительно-историческое исследование личных местоимений.

Методология и методы исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды лингвистов в области русского и финно-угорского языкознания: А. М. Пешковского [2001], В. В. Виноградова [1975; 1986], Е. В. Падучевой [1985; 2019], Н. Ю. Шведовой [1998], Е. Н. Сидоренко [2021], О. Н. Селиверстовой [1988], В. А. Плунгяна [2011], К. Е. Майтинской [1979; 2009], Б. А. Серебренникова [1963], В. К. Кельмакова [1998; 2003; 2004; 2005], И. В. Тараканова [2003; 2007], Т. И. Тепляшиной [1970], Г. В. Федюневой [2000; 2005; 2008], Н. В. Кондратьевой [2011], Л. Л. Карповой [1997; 2020], Г. А. Некрасовой [2002; 2023], Р. Бартенс [2000], Ш. Чуча [2005] и др.

Используемые в работе методы исследования определяются его целью и задачами. Применяются описательный, сравнительно-сопоставительный, количественный, сравнительно-исторический методы, а также методы количественного анализа, языкового эксперимента, контекстуального анализа.

Материалом исследования послужили: а) 2964 словоупотребления с собственно-личными местоимениями из литературных произведений; б) 191 пример из Национального корпуса удмуртского языка (<https://udmcorpus.udman.ru>); в) 2294 словоформы из диалектных материалов, опубликованных в сборниках и научных исследованиях второй половины XIX в., в 1950-е годы XX в. – 20-е годы XXI в. таких авторов, как Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, Л. Л. Карпова и др.; г) результаты анкетирования, проведенного среди носителей языка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Местоимения удмуртского языка представляют собой группу слов, выделяемых на основе: а) лексико-семантических значений, б) референциальных признаков, в) синтаксической роли в предложении. Данные критерии позволяют дифференцировать личные (собственно-личные, усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные, неопределенно-личные, отрицательно-личные, определительно-личные) и неличные (указательные, притяжательные, взаимные, вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные, определительные) местоимения.

2. Формирование системы собственно-личных местоимений удмуртского языка

является результатом длительного развития лингвистического строя на основе дейктических элементов, восходящих к уральскому (финно-угорскому) праязыку. Формы аккузатива, генитива, датива, аблатива, инструменталя собственно-личных местоимений *singularia tantum* возникли в общепермский период.

3. Становление парадигмы склонения собственно-личных местоимений *pluralia tantum*, формирование абессива, адвербиаля, аппроксиматива *singularia tantum* происходило в период самостоятельного развития удмуртского языка. Преобразование в системе личных местоимений привело к изменению их семантических характеристик: усилительно-личное местоимение 1-го лица приобрело дополнительное значение инклюзивности.

4. Аккузатив собственно-личных местоимений *pluralia tantum*, парадигма склонения инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы (с тобой, с вами)' сформировались в период обособленного развития говоров северного и южного диалектов удмуртского языка. В северном диалектном ареале парадигма личных местоимений обогатилась вторичными пространственными падежами. Северный и южный типы парадигмы склонения инклюзивного местоимения образованы по аналогии со склонением собственно-личного (эксклюзивного) местоимения 1-го лица *ми* 'мы' и субстантивным склонением множественного числа соответственно.

5. Диалектные падежные суффиксы собственно-личных местоимений *мон* 'я', *тон* 'ты', *со* 'он, она', *ми* 'мы', *асьмеос* 'мы (инклюзивное)', *тй* 'вы', *соос* 'они', кроме аккузативных показателей, представляют собой морфонологические варианты, возникшие в результате фонетических изменений, сочетания падежных и личных суффиксов, морфологической аналогии.

6. Местоимение *асьмеос* 'мы, мы сами' является многозначной лексической единицей, проявляющейся в двух типах референции: а) в качестве инклюзивного личного местоимения указывает на единство участников речи – говорящего и слушающего, б) как усилительно-личное отсылает к антецеденту – субъекту предиката, которому местоимение подчинено.

7. В истории изучения удмуртских местоимений можно выделить четыре этапа: от фиксации единичных лексем и неполных парадигм склонения (1726 г. – сер. XIX в.) через поиск способов научного описания (1851 г. – нач. XX в.), становление терминологии и историко-сопоставительного анализа (1920-е гг. – 1961 г.) до комплексного изучения в синхронии и диахронии (1962 г. – по настоящее время).

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения, выдвинутые в диссертационной работе, были представлены на международных, всероссийских конференциях: X Международном симпозиуме «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, лексикологии и стилистики»

(Ижевск, 2016); VI Всероссийской научной конференции «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы» (Ижевск, 2020); Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (Ижевск, 2021); II Международной научной конференции «Актуальные проблемы удмуртоведения в свете компаративистики, контактологии и типологии языков и литератур» (Ижевск, 2022); VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура» (Йошкар-Ола, 2024); VII Международной научно-практической конференции «Этнокультурное образование как феномен современной педагогической науки» (Ижевск, 2024); Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, 2024); XX Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Валея Кельмаковича Кельмакова (Ижевск, 2024); II Международной научно-практической конференции «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности» (Йошкар-Ола, 2024); Всероссийской конференции «Свой» – «чужой» в контексте исследований языка, художественной литературы, изобразительных искусств и культуры» (Санкт-Петербург, 2025); Международной научной конференции «Перевод Библии как фактор развития национальных языков, взаимодействия культур и традиций народов России», посвященной 80-летию доктора филологических наук, иеродиакона Михаила Атаманова (г. Ижевск, 2025).

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности ВАК.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России по следующим пунктам: 6. Грамматический строй русского языка, другого языка России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списков сокращений и условных обозначений, источников и использованной литературы, содержащего 278 наименований на удмуртском, русском, иностранных языках, и приложения. Общий объем работы без приложений составляет 327 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, определены объект и предмет, сформулированы цель и задачи, дана оценка степени разработанности темы, указаны методы, теоретические и эмпирические основы работы, теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Теоретические основы исследования» посвящена описанию положений, составивших теоретическую базу диссертационного исследования.

В **разделе 1.1 «Местоимение как часть речи»** представлен обзор основных направлений изучения местоимений в отечественной и зарубежной лингвистике. Выявлено несколько точек зрения относительно статуса местоимений в частеречной классификации слов: а) местоимение как смысловое ядро языка, которое не может быть рассмотрено в системе частей речи; б) отдельные группы в составе знаменательных частей речи, в) служебные слова, г) особая (незнаменательная) группа частей речи, д) местоимения-существительные как знаменательная часть речи, остальные местоименные слова отнесены к именам прилагательным и наречиям, е) знаменательная часть речи, «равноправная остальным» ~ «поперечная» им, ж) отдельная (вторая) система частей речи, параллельная («зеркальная») системе знаменательных частей речи. Также среди исследователей возникают споры о семантической наполненности местоимений. Рассмотрены учения различных лингвистов, в которых местоимения трактовались либо как «пустые» знаки (значение подчинено ситуации), либо как изначально семантически насыщенные лексемы, обладающие многокомпонентным местоименным значением. Несмотря на расхождение во взглядах относительно частеречной характеристики и семантики местоимений, исследователи согласны в том, что данный класс представляет собой естественную систему языка: это уникальная, исторически сложившаяся группа функционально единообразных слов, находящихся друг с другом в отношениях постоянного и тесного взаимодействия. Местоимения являются универсальным средством выражения и осуществления референции.

В **разделе 1.2 «История изучения удмуртских местоимений»** рассмотрено последовательное развитие изучения удмуртских местоимений, выявлены проблемы в описании инвентаря и грамматических характеристик, на основе которых выделяются четыре периода.

Первый этап (1726 г. – сер. XIX в.) характеризуется началом фиксации и описания исследуемого класса слов. Д. Г. Мессершмидтом были зафиксированы три местоимения. В первой грамматике «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», в грамматиках М. А. Мышкина и З. Кротова ведется поиск удмуртских соответствий парадигмам склонения местоимений русского языка. Создателями «Сочиненій...» была предпринята попытка написать грамматику, понятную для всех групп удмуртов, поэтому в ней старались отразить разнообразие диалектных морфологических форм, в том числе и местоимений. Авторами трудов представлены специфические формы местоимений, часть из которых стала морфологическими архаизмами.

Начало второго этапа (1851 г. – нач. XX в.) ознаменовано публикацией научного труда Ф. Й. Видеманна «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche», в котором удмуртским местоимениям впервые дано научное описание. В данный период отечественные и зарубежные ученые пытались обозначить специфичные явления, характерные классу дейктических слов, зафиксировать их диалектные варианты. Однако изучение местоимений часто носило фрагментарный характер, их описывали попутно с другими частями речи.

Характерной особенностью третьего этапа (1920-е гг. – 1961 г.) является становление терминологии на удмуртском языке, которая была востребована для составления учебников и учебных пособий. Однако авторы этих изданий пытались приблизить описание удмуртских языковых явлений к традициям русской грамматики, что приводило в ряде случаев к системным ошибкам. На данном этапе выделяется работа Т. Э. Уотилы «Zur Deklination der Personalpronomina in der permischen Sprachen» [1936], посвященная изучению формирования парадигмы склонения пермских личных местоимений.

Четвертый этап (1962 г. – до наших дней). С выходом в свет «Грамматики современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» [1962] был установлен стандарт описания морфологических категорий частей речи, в т. ч. и местоимений, который, за редкими исключениями, остается неизменным. Ведущим специалистом по изучению морфологии удмуртских местоимений является И. В. Тараканов. Его научные изыскания отражены как в научных трудах, так и в школьных учебниках³. Важным направлением в исследовании местоимений становится изучение диалектного разнообразия удмуртскими учеными. В данный период были защищены кандидатские диссертации по тыловайскому, кукморскому, средневосточным, закамским, прикильмезским, среднечепецким говорам, лекминскому и юндинскому говорам бесермянского наречия, докторская диссертация по северному наречию, в которых нашло отражение изучение класса местоимений. Также продолжено изучение удмуртских местоимений в историческом аспекте⁴.

В главе 2 «Классификация местоимений удмуртского языка» предложены морфемный, синтаксический и семантический критерии разграничения личных местоимений вторичного происхождения. На их основе проведен анализ некоторых разрядов местоимений.

---

³ Тараканов И. В. Туала удмурт кыл. Нимвоштос. Азьпечатлос. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 31 б.; Никольская Г. Н., Тараканов И. В. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 264 с.

⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.; Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 427 с.; Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. – 376 p.; Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 405 S. и др.

В разделе 2.1 «Существующие классификации и принципы дифференциации личных местоимений» рассмотрены труды удмуртских лингвистов, в которых выделяется от двух до шести разрядов личных местоимений. Под термином «личные» рассматриваются не только личные местоимения первичного происхождения, но таковыми называют и всю группу местоимений, образованных личными суффиксами и имеющих отсылку к говорящему, адресату, объекту речи, например, усилительно-личные: *ачим* 'я сам' / *асьмеос* 'мы сами', *ачид* 'ты сам', / *асьтэос* 'вы сами', *ачиз* 'он сам' / *асьмеос* 'они сами'. В большинстве семантических разрядов образуются лишь местоимения множественного числа, указывающие на совокупное множество лиц, например, *ваньмы* 'все мы', *ваньды* 'все вы', *ваньзы* 'все они'.

В качестве основных критериев дифференциации местоимений на личные и неличные указываются морфемный (употребление с соответствующими личными суффиксами либо в сочетании с личными местоимениями) и морфологический (способность изменяться только по субъектно-объектным и направительному падежам).

В своей работе мы опираемся на положение, что *грамматическая категория лица местоимений является классифицирующей категорией и представляет собой систему противопоставленных и взаимоисключающих лексем, непосредственно коррелирующих с отношением действия к его субъекту-исполнителю*. Из него вытекают следующие утверждения: 1) если местоимение с лично-притяжательным суффиксом не координирует с вербальной формой соответствующего лица, такое местоимение не имеет грамматической категории лица; 2) если словоформы, образованные от одной основы и содержащие лично-притяжательные аффиксы, сочетаются исключительно с формами глаголов третьего лица, то они лишены категории лица и характеризуются лишь грамматической категорией притяжательности; 3) важным признаком личного местоимения является его синтаксическая роль и способность использоваться в функции подлежащего; 4) при дифференциации разряда личных местоимений приоритет следует отдавать грамматическим характеристикам местоимений 1-го и 2-го лица, а местоимения 3-го лица, в силу своей семантики, будут автоматически включены с ними в одну лексико-грамматическую группу.

Содержательным критерием становится тип референции. Местоимения 1-го и 2-го лица привязаны к речевой ситуации, отсылают к его участникам, обозначают говорящего и слушающего в данном речевом акте. Местоимения 3-го лица отсылают к объекту (объектам) речи или высказыванию (тексту), в состав которого они входят, всегда имеют свой антецедент.

В разделе 2.2 «Послеложно-личные местоимения» проведен анализ семантических и грамматических характеристик послеложно-личных местоимений, которые образованы от

основ служебных слов присоединением лично-притяжательных суффиксов. В реферируемом труде впервые представлен полный список основ послелогов, от которых в литературном языке лично-притяжательными морфемами образуются полнзначные лексемы. Это 18 производящих корней серийных послелогов: *азь-* ‘перед’, *бер-* ‘позади’, *борд-* ‘возле, к, от’, *бёрсь-* ‘за, позади, сзади’, *вадьс-* ‘над, напротив’, *виск-* ‘между’, *вёз-* ‘возле, около, от’, *выл-* ‘над, на, с’, *дор-* ‘к, от, возле’, *котыр-* ‘вокруг’, *кусп-* ‘между’, *мышк-* ‘сзади’, *пёл-* ‘среди’, *пушк-* ‘внутри’, *сьёр-* ‘с, позади’, *ул-* ‘под’, *урдс-* ‘сбоку’, *шор-* ‘на’ и 6 основ одиночных послелогов: *кож-* ‘самостоятельно, без всего’, *кузя-* ‘по, вдоль’, *понна-* ‘для’, *пумит-* ‘против’, *пыр-* ‘сквозь, через’, *сярысь-* ‘о, об’. Ряд лингвистов считает «прономинализованные» послелого «добавочными падежными формами»⁵, другие языковеды склонны рассматривать их как послеложно-личные местоимения⁶, третья группа исследователей относят их к наречиям⁷. Так называемые послеложно-личные местоимения функционируют в предложении в качестве обстоятельства, дополнения и именной части составного сказуемого. Они не могут выступать в роли подлежащего и координировать с соответствующей личной формой глагола-сказуемого; имеют значение пространственных отношений или образа действия. Таким образом, к разряду личных местоимений данные лексемы не относятся. Мы склонны рассматривать послеложные образования в составе наречий. Всего в литературном языке насчитывается 76 наречий, образованных от послеложных основ и имеющих притяжательные формы.

Раздел 2.3 «Взаимно-личные местоимения» посвящен изучению разряда взаимных местоимений. Впервые в удмуртском языке их выделил Ф. Й. Видеманн, который отмечал, что в качестве основы взаимных местоимений дублируется числительное *ог (одйг)* ‘один’ и с наращением выделительных (притяжательных) суффиксов⁸. Впоследствии местоимения множественного числа: *ог-огмы, одйг-огмы* ‘мы друг друга’, *ог-огды, одйг-огды* ‘вы друг друга’, *ог-огзы, одйг-огзы* ‘они друг друга’ начали рассматривать как «взаимно-личные», а местоимения единственного числа выпали из поля зрения исследователей. В диссертационной работе впервые описана парадигма склонения местоимения с нулевым словообразовательным суффиксом *ог-оглы, одйг-оглы* ‘друг друга’, проанализирована семантика взаимных местоимений с суффиксами единственного числа *ог-огед, одйг-огед*

⁵ Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. Ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949. – С. 104; Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982. – С. 73–74.

⁶ Лыткин В. И., Тимушев Д. А. Краткий очерк грамматики коми языка // Коми-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – С. 904; Тараканов И. В. Туала удмурт кыл. Нимвоштос. Азьпечатлос. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 31 б.

⁷ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 200.

⁸ Wiedemann, F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – S. 89–90.

‘друг друга’, *ог-огез*, *одйг-огез* ‘друг друга’. Взаимные местоимения склоняются по субъектно-объектным падежам и направительному падежу, местоимение с нулевой словообразовательной морфемой не имеет форм номинатива и генитива. Рассматриваемые слова обычно употребляются при именах существительных и при других местоимениях, согласуются с ними в лице и числе и не координируют с личными формами глагола, в предложении всегда являются зависимыми словами, синтаксически связаны управлением чаще всего с отглагольными существительными, неличными вербальными формами (инфинитивом, безличным глаголом), причастием, деепричастием. Формы в именительном падеже используются только в сочетании с послелогами, выполняют функцию второстепенных членов предложения. Взаимные местоимения не могут выполнять роль подлежащего. В связи с этим словообразовательные морфемы единственного и множественного числа *-ø*, *-ед*, *-ез*, *-мы*, *-ды*, *-зы* нельзя в полной мере охарактеризовать как личные, суффиксы *-ед*, *-ез* обладают детерминативно-выделительной функцией, суффиксы множественного числа – притяжательной. В связи с приведенными аргументами можно сделать вывод, что местоимения с общим значением *ог-ог* ‘друг друга’ не могут рассматриваться в качестве личных местоимений вторичного происхождения.

В разделе 2.4 «Местоимения, образованные от основ вопросительных местоимений *куд-* ‘который’, *кин-* ‘кто’» представлена сравнительная характеристика вопросительно-относительных, неопределенных, определительных, отрицательных местоимений, образованных от вопросительных местоимения *куд* ‘который’, *кин* ‘кто’. Обнаружено, что местоимения от *куд-* могут быть образованы только лично-притяжательными суффиксами множественного числа. Данные слова координируют с личными формами глагола, согласуются с соответствующими притяжательными формами имен существительных. Кроме кванторного, неопределенного, отрицательного, обобщенного либо предельного значения, они указывают на участника речи. В связи с этим нами предложено рассматривать их в качестве личных местоимений вторичного происхождения и классифицировать на четыре разряда: разделительно-личные (*кудмы* ‘кто из нас’, *кудды* ‘кто из вас’, *кудзы* ‘кто из них’), неопределенно-личные (*кудмы ке*, *олокудмы*, *куд-кудмы*, *куд-огмы* ‘кто-то из нас’, *кудды ке*, *олокудды*, *куд-кудды*, *куд-огды* ‘кто-то из вас’, *кудзы ке*, *олокудзы*, *куд-кудзы*, *куд-огзы* ‘кто-то из них’), отрицательно-личные (*нокудмы (но)* ‘никто из нас’, *нокудды (но)* ‘никто из вас’, *нокудзы (но)* ‘никто из них’), определительно-личные (*котькудмы* ‘все из нас’, *котькудды* ‘все из вас’, *котькудзы* ‘все из них’) местоимения.

Напротив, дериваты от местоимения *кин* ‘кто’ могут быть образованы лично-притяжательными суффиксами единственного и множественного числа: *кинэ* ‘кто мой’, *кинэд* ‘кто твой’, *кинэз* ‘кто его / ее’ *кинмы* ‘кто наш’, *кинды* ‘кто ваш’, *кинзы* ‘кто их’. Они

не выражают категорию лица и являются притяжательными формами вопросительно-относительных, неопределенных, определительных, отрицательных местоимений.

Раздел 2.5 «Инклюзивное местоимение» посвящен сравнительному описанию семантических и грамматических различий местоимений 1-го лица *ми* ‘мы, мы без тебя’ и *асьмеос* ‘мы с тобой’. Выявлено, что усилительно-личное местоимение *асьмеос* ‘мы сами’ в литературном языке в преобладающем большинстве случаев функционирует в значении инклюзивного 1-го лица, когда адресат речи включен в коллективное 1-е лицо.

В **разделе 2.6** «Предлагаемая классификация местоимений удмуртского языка» на основе системного анализа местоимений представлен новый вариант лексико-семантической классификации местоимений удмуртского языка, согласно которой исследуемый класс слов можно разделить на две большие группы: личные и неличные местоимения.

Рисунок 1. Классификация местоимений по лексико-семантическим разрядам

Личные подразделяются на собственно-личные и личные местоимения вторичного происхождения. Последние дифференцированы на шесть подгрупп: усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные, отрицательно-личные, неопределенно-личные, определительно-личные. Неличные местоимения распределяются на следующие разряды:

указательные, притяжательные, взаимные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные.

Глава 3 «Семантические и морфологические особенности собственно-личных местоимений». Раздел 3.1 «Семантика собственно-личных местоимений» посвящен исследованию семантической структуры собственно-личных местоимений, которая в удмуртском языкознании до сих пор не нашла должного отражения.

Значение личных местоимений прежде всего связано с коммуникативной функцией языка: *Я* – адресант, *Ты* – адресат, к которому обращена информация. Объект речи также является обязательным и универсальным понятием лингвистической системы. На это указывает сама структура языка, устанавливающая самостоятельное бытие предмета как «оно», объекта высказывания в третьем лице, независимого в своем существовании от коммуникативного отношения «я – ты».

В работе впервые рассмотрены прецедентные и частные ситуации употребления личных местоимений удмуртского языка. Каждому *я* соответствует каждый раз индивид, взятый именно в его персональности. Значение местоимения *тон* ‘ты’ – это собеседник, адресат, употребляется как, «во-первых, показатель отчуждения от авторского *я*, выход за пределы этого *я*, а во-вторых, *ты* – это указание на ближайшего к *я* собеседника, которым является само это *я*»⁹. Местоимение *ми* ‘мы’ обозначает эксклюзивное 1-е лицо (‘я с ним (ними), но без тебя, без вас’). Местоимение *тй* ‘вы’ употребляется для обозначения множества, в число которых входит адресат речи.

Собственно-личные местоимения могут быть средством для транспозиции, т. е. выступать в функции другого местоимения – противочлена в парадигматическом ряду. 2sg. участвует в «автоадресатном употреблении»¹⁰, когда оно референтно говорящему: <...> *самой главноез – тон егит, тынад улонэд ваньмыз азьпалан на, тонэ кыче ке туж бадзым шудбур возьма* ‘<...> самое главное – ты (= я) молода, в твоей (= моей) жизни все еще впереди, тебя (= меня) какое-то большое счастье ждет’.

Местоимение 1pl. *ми* ‘мы (эксклюзивное)’ может иметь референцию к *я* в нескольких контекстах: а) авторское *мы* («формула скромности»¹¹), используется в научных публикациях, б) в насмешливой, шутливой речи: *Тодйськом ми сычеосты* ‘Знаем мы (= знаю я) таких’.

Так называемое «материнское “мы”» имеет своим антецедентом объект речи – ребенка, т. е. наблюдается перенос значения на 3-е лицо: *Ми ныльпыдыськыса ветлыны быгатйськом ини*. ‘Мы (= он, ребенок) уже можем ходить на четвереньках’. Говорящий в данном контексте

⁹ Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. – № 1–2–3. – С. 48.

¹⁰ Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. – С. 369.

¹¹ Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – С. 333.

не дистанцируется от объекта речи, наоборот, как бы полностью сливается с ним.

Инклюзивное местоимение может обозначать говорящего: *Асьмеос тонэныд туж шудо луомы*. 'Мы (= я) с тобой станем очень счастливыми'. В подобных сочетаниях референция одной единицы полностью вложена в референцию другой.

Тй 'Вы' заменяет *тон* 'ты' при вежливом или официальном обращении к одному собеседнику: *Нош Тй, Георгий Ильич, мар шуоды?* 'А Вы что скажете, Георгий Ильич?'

Местоимения 3-го лица могут употребляться в значении 2-го лица, когда говорящий обращается к адресату / адресатам, выражая свое пренебрежение. Субъект речи тем самым как бы исключает *ты* из диалога, речевого контекста: *Кыче гинэ соос, дасез вылын улысалзы!* 'Какие же они (= вы – обращение к адресату), жили бы на готовом!'

Субъект речи может говорить о себе в третьем лице, стилистический прием называемый «иллеизмом», или «феноменом самоименования от 3-го лица», когда говорящий рассматривает себя не только со стороны субъекта, но и объекта. В таких примерах говорящий сильнее концентрирует внимание адресата на себе: *Эн вунэты пересьмем атайдэ но, оло, со кема но уз чида ни*. 'Не забывай и своего престарелого отца (= меня), может, он (= я) уже долго не протянет'.

На материале текстов художественных произведений было доказано, что личные местоимения могут стать ярким экспрессивным средством. В реферируемом труде также рассмотрен словообразовательный потенциал собственно-личных местоимений.

Раздел 3.2 «Грамматические категории собственно-личных местоимений» посвящен исследованию категории лица, числа, падежа. В подразделе 3.2.1 «Категория лица» обзорно представлены точки зрения о двух-, трех- и четырехчленной системе личных местоимений. Рассмотрена категория лица личных местоимений, являющаяся постоянным грамматическим признаком. Ее наличие в грамматической структуре языка, по мнению С. Г. Ильенко, является фундаментальной особенностью, отличающей человеческий язык от систем коммуникации животных. Категория личности, отражающая организующую роль говорящего по отношению к речи и общению в целом, создает человеческий язык. Присутствие трех лиц в грамматической структуре языка – это свидетельство осознания субъектом себя в окружающем его мире, как говорящего, как *Я*, среди объектов которого в контексте общения непременно выделяется слушающий, обозначенный специальным местоимением – *Ты*. Другие объекты реализуются через местоимения 3-го лица¹². Не существует лексем, выражающих обобщенные значения в форме 'произвольный участник речевого акта'. Отсюда следует, что для личных местоимений категория лица обязательна.

---

¹² Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – С. 16–17.

Подраздел 3.2.2 «Категория числа». Грамматическая категория числа личных местоимений неразрывно связана с категорией лица и имеет двойную характеристику – для местоимений 1-го и 2-го лица она является постоянным признаком, для 3-го лица – словоизменительным. Оригинальные формы пермских местоимений 1-го и 2-го лица, указывающие на числовую дихотомию, по мнению Д. В. Бубриха, «соотносятся отнюдь не как образования единственного и множественного чисел, а как различные слова. Соответственно нет обычного показателя множественного числа»¹³. У них сохранилась общая финно-угорская (уральская) черта выражать числовые значения с помощью противопоставления корневых гласных: *e ~ i*, *o ~ i*, т. е. категория числа у данных местоимений является *постоянным* признаком. *Ми* ‘мы’ и *тй* ‘вы’ – это особые местоимения, являющиеся *pluralia tantum*, *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’ соответственно *singularia tantum*. Местоимения 3-го лица противопоставлены друг другу наличием / отсутствием стандартного суффикса множественного числа *-ёс (-ос)*. Соответственно у местоимений *со* ‘он, она’ и *соос* ‘они’ категория числа является *формообразовательной*. Данная неунифицированность категории числа вызывает споры среди лингвистов. Разногласия можно разрешить, признав категорию числа постоянным признаком, а личные местоимения 3-го лица считать исключением. В некоторых удмуртских песенных текстах (рекрутских, гостевых) употребляются специфичные формы местоимений 1-го и 2-го лица с суффиксом множественного числа имен существительных *-йос (-ос)*, например, *монйос* ‘я’, *тонйос* ‘ты’, *миосйа* ‘по нам, по нашему желанию, примеру’, *тиосйа* ‘по вам, по вашему желанию, примеру’. Инклюзивное местоимение *асьмеос* ‘мы’ рассматриваем как многозначное слово во множественном числе, имеющее в одном из значений форму единственного числа *ачим* ‘я сам’.

В подразделе 3.2.3 отдельное внимание уделяется категории падежа собственно-личных местоимений. В отличие от литературного языка, представленного 9 падежными формами, в диалектах количество падежей варьирует от 7 до 14: в части говоров южного наречия, срединных говорах парадигма склонения состоит лишь из субъектно-объектных падежей, т. е. восьми форм, в том же диалектном ареале в отдельных говорах вышел из употребления соответственный падеж: их заменили местоименно-последложные сочетания. В северном, бесермянском наречиях дополнительно присутствуют шесть вторичных местных падежей.

В косвенных падежах у личных местоимений четко выделяются два компонента: а) основа местоимения; б) падежный суффикс. Третьим компонентом может выступать показатель лица. Он присутствует в составе родительного, дательного, разделительного,

---

¹³ Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. Ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949. – С. 101.

осложненного варианта творительного падежа местоимений 1sg., 2sg. и винительного, родительного, дательного, разделительного, творительного падежей 1pl., 2pl.

При склонении местоимений 1sg. и 2sg. в генитиве, дативе, аблативе гласный корня *о* переходит в *ы*: ном. *мон* ‘я’ > ген. *мынам* ‘мой, у меня’ дат. *мыным* ‘мне’, абл. *мынэсьтым* ‘от (у) меня’; ном. *тон* ‘ты’ > ген. *тынад* ‘у тебя’, дат. *тыныд* ‘тебе’, абл. *тынэсьтыд* ‘от (у) тебя’. При образовании аккузативных, генитивных, дативных, аблативных, инструментальных форм местоимений 1pl., 2pl. основа местоимений осложняется формативом *-л’*: ми ‘мы’ > акк. *милемды* / *милемыз* ‘нас’, ген. *милям* ‘наш, у нас’, дат. *милем(лы)* ‘нам’, абл. *милесьтым* ‘от (у) нас’ INSTR. *милемын* / *миленымы* ‘(с) нами’; ном. *тй* ‘вы’, акк. *тйледды* / *тйледыз* ‘вас’, ген. *тйляд* ‘ваш, у вас’, дат. *тйлед(лы)* ‘вам’, абл. *тйлесэсьтыд* ‘от (у) вас’, INSTR. *тйледын* ‘(с) вами’.

Имеется прямая зависимость наличия элемента *-л’* в основах *мил’-*, *тйл’-* от участия личного суффикса в образовании падежной формы. Полагаем, что элемент *-л’* генетически восходит к словообразовательному суффиксу, которая, по гипотезе Б. А. Серебренникова, является морфемой со значением отношения к лицу¹⁴. Без личных аффиксов образуются формы лишительного, соответствующего, направительного падежей местоимений 1-го и 2-го лица и винительного, неосложненного творительного падежа местоимений *singularia tantum*, парадигмы личных местоимений 3-го лица. Формы винительного падежа 1pl., 2pl., инклюзивного местоимения в диалектах образуются различными падежными суффиксами представляют собой морфологические варианты. Различие в падежных показателях (см. таблицу 1) дательного, разделительного, творительного падежей возникло в результате: а) морфологической аналогии, б) сочетания падежных и личных суффиксов, в) фонетических изменений и др.

Таблица 1. Варианты объектных падежных суффиксов.

падежи	<i>мон</i> <i>тон</i>	<i>ми</i> <i>тй</i>	<i>со</i>	<i>соос</i>	<i>асьмеос</i>
винительный	-э	-ды, -эс ~ -ыз, -дыс -эсты -ьсть	-э (-йэ)	-ты	-ды, -эс ~ -ыз, -дыс -эсты
дательный	-ы- (-ё-)	-э- ~ -ь- / -лы-	-лы-		
разделительный	-эс’ты- ~ -эс’кы- ~ -ыс’ты- (-ис’ты-) ~ -ис’кы-		-лэс’ ~ -лэс’ (-лис’)		-лэс’ты- ~ -лис’ты- -лэс’ ~ -лэс’ (-лис’)
творительный	-эн (-эны-)	-эны- ~ -ын	-йэн ~ -ин (-йэн)	-ын	-эн (-эны-) ~ -ын

Особенностью реализации любой падежной формы является ее двусторонний характер: во-первых, падежные значения выполняют семантико-синтаксическую функцию,

¹⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 198.

во-вторых, они конкретизируют их в соответствии со своими морфологическими значениями. Семантические функции падежей разнообразны, у каждой падежной формы имеется целый комплекс значений. В семантической структуре каждого из падежей выделены основное и частные значения.

Глава 4 «Становление парадигмы склонения собственно-личных местоимений» посвящена изучению исторических изменений в парадигме склонения собственно-личных местоимений – генезису вариатов основ и словоизменительных морфем.

В разделе 4.1 «Происхождение собственно-личных местоимений» представлен обзор гипотез о возникновении трехчленной системы личных местоимений. В основе персональных прономинативов лежит система указательных частиц финно-угорского (прауральского) языка-основы. Местоимения 1-го и 2-го лица обособились от дейктических в уральском языке-основе. В прафинно-угорский период у личных местоимений 1-го и 2-го лица отсутствовали специальные числовые формы. Количественные различия выражались путем употребления различной огласовки местоименных корней, причем праязыковые диалекты использовали разные варианты соотношения гласных, которые впоследствии закрепились в языках. Данная общая финно-угорская (уральская) черта выражать числовые значения единственного и множественного числа с помощью противопоставления корневых гласных: $e \sim i$, $o \sim i$ сохранилась до настоящего времени¹⁵.

Местоимения 3-го лица возникли как самостоятельные лексические единицы в прафинно-угорский период. Хотя ряд исследователей отмечает, что указательное и личное местоимение 3-го лица единственного числа в пермских языках до сих пор <...> недостаточно дифференцированы¹⁶, считается маловероятным отсутствие в раннепермском языке местоимения 3-го лица. Очевидно, исконно пермское указательное местоимение $*sV$ появилось в общепермском языке от финно-угорского $*s$ -ового личного местоимения: оно не имеет регулярных эквивалентов в родственных языках. Личное местоимение $*sV$ вытеснило указательное от уральской основы $*\acute{c}e / \acute{c}i$, у которого была супплетивная форма мн. ч. $*na-$, основа которой сохранилась в коми языках. В удмуртском закрепились стандартная для общепермского языка форма множественного числа $*s$ -ового личного местоимения $*sejas$ ¹⁷.

Местоимения *асьмеос* первоначально имело усилительно-личное (возвратное) значение ‘мы сами’, инклюзивная составляющая ‘я (мы) с тобой’ развилась позже: в научной литературе нет сведений о многозначной природе аналогичного местоимения коми языков.

¹⁵ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 284–285; Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 22.

¹⁶ Федюнева Г. В. Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели. – Сыктывкар, 2005. – С.10; Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979. – С. 193.

¹⁷ Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – S. 227.

Инклюзивное местоимение имеет неместоименное происхождение, его основа находит параллели в финно-угорских языках: фин. *itse* ‘сам, свой’, мокш., эрз. *eś* ‘тж’, мар. *ške* ‘тж’, хант. *jis, īs, īs, īs* ‘дыхание, душа, жизнь’. Прафинно-угорское слово имело первоначальное значение ‘тень’, которое впоследствии в финно-пермском переосмыслилось в ‘душа, сердцевина’¹⁸.

Таким образом, собственно-личные местоимения удмуртского языка уходят корнями к указательным местоимениям доуральского периода, числовые формы появились в финно-угорском языке-основе. Усилительно-личные местоимения возникли путем прономинализации имени существительного, однако расширение семантического поля местоимения 1-го лица множественного числа *асьмеос* в сторону инклюзивности произошло исключительно в праудмуртский период.

В разделе 4.2 «Генезис падежных маркеров в структуре собственно-личных местоимений» рассмотрена история возникновения каждого падежного суффикса.

В разделе 4.3 «Морфонологическая вариативность падежных форм собственно-личных местоимений» рассматриваются архаичные формы, зафиксированные в грамматике М. А. Мышкина. Косвенные падежные формы местоимений *ми* ‘мы’ (дательный, винительный, творительный), *тй* ‘вы’ (творительный) образованы от основ генитива: *милямлы* ‘нас, наше’, *милямълы* ‘нам’, *милямъзь* ‘нас’ *милямёнъ* ‘нами’, *милямёнъ* ‘нами’, *тилядёнъ* ‘вами’. Эта особенность склонения характерна для коми языков¹⁹. Наблюдаемая аналогия специфичных падежных форм одного из северноудмуртских говоров с общими для коми языка падежными формами можно объяснить либо длительным процессом распада пермской языковой общности, либо собственно удмуртским явлением, когда в ходе языковых исканий в части удмуртских говоров закрепились основа генитива. Впоследствии они были вытеснены из речи.

В разделе 4.4 «Чередование гласных в основе сингулятивных местоимений» рассмотрены формы датива и аблатива местоимений 1 sg., 2 sg. от основы *мөн-*, *төн-*, которые сохранились лишь в части современных срединных говоров. В диалектных текстах зарубежных исследователей XIX в. Т. Г. Аминоффа и Б. Мункачи были зафиксированы *ө-* основы датива, аблатива и инструменталю на более широком ареале распространения – населенных пунктах современных Якшур-Бодьинского, Завьяловского, Селтинского районов.

С нашей точки зрения, вариант корней основы на *ө* (*мөн-*, *төн-*) являются более ранним, поскольку именно он закономерно чередуется с основой коми местоимений на *э*.

¹⁸ Майтинская К.Е. Местоимения и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. – М.: Наука, 1989. – С. 240.

¹⁹ Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 53.

В общепермский период гласным основы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа был **e*²⁰, вероятно, все падежные формы образовались от основ **men-*, **ten-*. В период самостоятельного развития удмуртского языка, предположительно в XIV–XV вв., произошел массовый звукопереход *e > *o*. В части говоров в некоторых корнях древнеудмуртский *e сохранялся дольше. В основах сингулятивных личных местоимений *ö* удержался в тех падежных формах, в составе которых имеется личный суффикс.

В разделе 4.5 «Варьирование гласных в падежных суффиксах собственно-личных местоимений» объектом анализа стали варианты падежных показателей личных местоимений с *-э* и *-ы* / *-и* огласовкой, которые представлены в: а) суффиксах аблатива 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl. и 3-го лица единственного и множественного числа; б) суффиксах инструменталия местоимений 1 pl. и 2 pl. и 3 лица единственного числа; в) суффиксе аккузатива 1 pl., 2 pl.; г) суффиксе аккузатива 1 pl., 2 pl. Четкую диалектную привязку имеют лишь шесть падежных форм: аккузативные *мил'эмэс* 'нас', *тил'эдэс* 'вас' (северная диалектная зона), *мил'эмыз* 'нас', *тил'эдыз* 'вас' (южные и срединные говоры); аблативные *мил'ис'кым* 'у нас', *тил'ис'кыт* 'у вас' (бавлинский говор), *солъс'* / *солис'* 'у него, у нее', *соослъс'* / *соослис'* 'у них' (кукморский, бавлинский говоры, бесермянское наречие), инструментальная *сойэн* 'им, ею; с ним, с нею' (кукморский говор), дативные *мил'эм* 'нам', *тил'ьд* 'вам' (бесермянское наречие).

Дативный суффикс *-э-* этимологически представляет собой конечный гласный местоименной основы *pluralia tantum*. Оригинальный суффикс *-ь-* в бесермянском наречии, на наш взгляд, был заимствован у форм *singularia tantum*.

Варьирование падежных маркеров аблатива с *-э* и *-ы* невозможно объяснить позиционными изменениями, вероятно, в прапермском языке параллельно существовали сложные показатели аблатива *-leś* (< **-leś*) и *-liś* (< **-liś*), гласные в составе которых являлись древними формантами латива на **-e* (> удм. *-э*) и на **-i* (> удм. *-ы* и его фонетические варианты)²¹. Вариативные суффиксы на *-э-* ~ *-ы-*, с нашей точки зрения, имеют явные параллели с *-э(-)* ~ *-ы(-)* морфемами имен существительных, представленных в трех морфологических категориях: притяжательных суффиксах: *пие* 'мой сын', *нылы* 'моя дочь'; в маркерах инструменталия: *пиен* 'мальчиком, сыном', *нылын* 'девочкой, дочерью' и пролатива: *гуртэти* 'по деревне', *нюлэскыти* 'по лесу'. Гласный в составе первых двух суффиксов представляет собой конечный гласный основы, который в результате

²⁰ Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – С. 170, 293–294.

²¹ Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. – С. 120; Кельмаков В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. – Пермь: Пермский гос. педагогический институт, 2005. – Выпуск 2. – С. 63.

переразложения морфемного шва перешел в состав суффикса. Качество гласного генетически связано с широким и узким гласным финно-угорской основы: *a / *ä > э, *e > ы. Ф. Молнар предполагает, что личные местоимения 1sg. и 2sg. в начале общепермского периода имели двусложную основу и оканчивались на широкий гласный²². Следовательно, в результате переразложения морфемного шва могли возникнуть суффиксы с -э-огласовкой: аккумулятивный -es, аблативный -eštj- и инструментальный -en(j)-, где -e исторически является конечным гласным местоименной основы. По всей вероятности, в период сужения конечных гласных возникли важные для коммуникации дативные и аккумулятивные формы плюральных местоимений.

В ходе исторического развития на базе дублетных суффиксов имен существительных в удмуртском языке «начала складываться особая лексико-семантическая группа имен существительных, объединенных общим значением «неотъемлемой принадлежности». <...> притяжательные суффиксы с ы-овой огласовкой получили наибольшее распространение именно в группе слов, обозначающих части тела живых существ, родственные отношения, стороны предмета и др. Падежные формы также выражали посессивные отношения (аблатив, инструменталь) либо восходили к показателям лица (аккузатив). Очевидно, в данный период и распространились суффиксы с -ы огласовкой в систему склонения местоимений.

В **Заключении** обобщены результаты проведенного исследования и сформулированы его основные выводы, определены перспективы работы. В проведенном исследовании впервые был осуществлен комплексный анализ семантических и грамматических характеристик собственно-личных местоимений удмуртского языка. В дальнейшем систематического анализа требуют другие разряды местоимений.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК:

1. *Пантюхина Т. В.* Семантические и синтаксические значения удмуртских личных местоимений с суффиксами отрицания / Т. В. Пантюхина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 166–173 (0,94 п.л.).

2. *Пантюхина Т. В.* К вопросу о статусе взаимных местоимений в удмуртском языке / Т. В. Пантюхина, Н. В. Кондратьева // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14. – № 4 (59). – С. 695–704 (1,41 п.л./0,98 п.л.).

3. *Пантюхина Т. В.* Грамматическая избыточность личных местоимений удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Вестник угроведения. – 2025. – Т. 15. – № 2 (61). – С. 299–309 (1,26 п.л.).

²² Molnár F. A permi nyelvek szövégi magánhangzóinak történetéről // Nyelvtudományi Közlemények 76. – Kötet 1–2. szám. – Budapest, 1974. – S. 82–83.

4. *Пантюхина Т. В.* Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина / Т. В. Пантюхина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2025. – Т. 17 – Вып. 2. – С. 69–77 (1,14 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

5. *Пантюхина Т. В.* К вопросу о послеложных местоимениях удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сб. статей. – Ижевск–Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 400–405 (0,27 п.л.).

6. *Пантюхина Т. В.* Эксклюзивное и инклюзивное *мы* в удмуртском языке / Т. В. Пантюхина // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сб. статей. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский государственный университет», 2017. – С. 244–250 (0,31 п.л.).

7. *Пантюхина Т. В.* Абессивные формы личных местоимений со значением выделения элемента из множества / Т. В. Пантюхина // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. статей. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – С. 277–284 (0,46 п.л.).

8. *Пантюхина Т. В.* Варьирование гласных в падежных суффиксах личных местоимений удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Историко-культурное наследие. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 96–106 (1,21 п.л.).

9. *Пантюхина Т. В.* К вопросу о морфологической классификации удмуртского местоимения *ог-огед* ‘друг друга’ / Т. В. Пантюхина // Языки, литературы и культуры России в современной академической науке: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. – Казань: ИЯЛИ, 2024. – С. 327–331 (0,42 п.л.).

10. *Пантюхина Т. В.* Парадигматические характеристики удмуртских местоимений типа *кудмы* и *кинмы* / Т. В. Пантюхина // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сборник статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Международная ассоциация финно-угорских университетов; сост. М. В. Рябинина; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. – С. 48–49 (0,27 п.л.).

11. *Пантюхина Т. В.* Избыточность в сфере удмуртских личных местоимений / Т. В. Пантюхина // Этнокультурное образование как феномен современной педагогической науки: сборник статей / Министерство образования и науки Удмуртской Республики, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» – Ижевск: Шелест, 2024. – С. 230–234 (0,38 п.л.).

12. *Пантюхина Т. В.* Грамматика М. А. Мышкина как источник изучения удмуртско-коми языковых параллелей / Т. В. Пантюхина // Современное финно-угроведение: наука – общество – культура: сборник статей по материалам VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов, посвященной 300-летию Российской академии наук (Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 г.) / МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2024. – С. 223–227 (0,63 п.л.).

13. *Пантюхина Т. В.* Морфологические и семантические характеристики генитивных форм личных местоимений удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник статей / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2025. – С. 193–202 (0,71 п.л.).

14. *Пантюхина Т. В.* Чередование гласных в основах удмуртских личных местоимений *singularia tantum* / Т. В. Пантюхина // Историко-культурное наследие. – 2025. – Т. 15. – № 1. – С. 76–81 (0,74 п.л.).

Пантюхина Татьяна Владимировна
ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Автореферет
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать _____ 2026. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ №